

СЕКРЕТ КЛАУДИИ

Н А НЕДАВНЕМ кинофестивале в Монреале Клаудиа Кардинале получила приз за лучшее исполнительное роли в фильме «Жест боли», режиссера Паскуале Скуиттери. Она сыграла с удивительной тонкостью и мастерством мать, мужественно борющуюся с наркотиками. Актриса действительно, словно в омут головой, погружалась в этот образ отчаявшейся женщины, в течение долгого времени встречаясь с матерями, дети которых стали рабами наркотиков. «Это был леденящий душу эксперимент, который я просто должна была поставить, и я счастлива, что мне удалось испытать отчаяние и унижение многих матерей», — сказала она.

Мы беседовали с Клаудией незадолго до окончания съемок телефильма «Второй лик Аиды».

В этой mystery story*, снимавшейся в Вероне и ее окрестностях, она появляется то в образе Джильды Риччи, знаменитой певицы-сопрано с обезображенным лицом, то в образе ее сестры — двойняшки Моники, которая заменяет ее, когда предстоит с кем-то встретиться. У Джильды — и прекрасный голос, и успех, и известность, у Моники нет ничего. Зависть снedaет ее и делает злейшим врагом своей сестры. Удивительно — лицо Клаудии оказалось способным передать и печальное изумление одной, и дьявольскую хандру другой! Но все это не так просто. Стоп. Сорок минут перерыва.

— Клаудиа, как вы подошли к этой двойной роли?

— Идея сыграть двойняшек-антиподов, парадоксально одинаковых и разных, околдовала меня сразу. Согласитесь, это тема, которая просто не могла не заинтересовать. И должна сказать, что, несмотря на все, я здорово развлеклась во время съемок, так что если я и кажусь сейчас такой усталой, то это просто обычный стресс.

— А вам никогда не случалось почувствовать в себе некую двойственность?

— Бывало. Для нас, женщин, весьма характерно менять себя в зависимости от ситуации. Это происходит инстинктивно. Впрочем, для мужчин чары женщины заключены в ее таинственности, когда она не показывает свое подлинное лицо. Но что касается игры обольщения, я не чувствую в себе двойственности. В общем-то, я и дома, и вне семьи всегда — я.

Но если быть до конца искренней, иной раз на публике приходится себя менять. Я часто не узнаю себя, когда вижу себя же по телевидению во время каких-нибудь пресс-конференций. Не узнаю, потому что, оказываясь, слишком много и неестественно смеюсь. Но в данном случае речь идет о чем-то бессознательном. Я веду себя как обычный человек, который непроизвольно меняет свои манеры, когда внезапно видит направленную на него телекамеру. По правде говоря, за моей чрезмерной улыбчивостью прячется замешательство.

— Если бы судьба не всучила вам благородную карьеру актрисы, у вас был бы другой характер?

— Не думаю. Я совершенно не изменилась. Моя удача в том, что у меня очень сильный характер, который позволяет мне защищать все то, что принадлежит мне в глубине души. В нашем ремесле это нелегко. Многие мои коллеги уже заработали невроз, со мной же этого не случилось. У меня потрясающая сила воли.

— Что раздражает вас в вашей профессии?

— Временами — стремительность фотографов. Им никогда не удается остановиться. Они хотят все больше и больше — им и в голову не приходит, что невозможно постоянно находиться под прицелом объектива. А с журналистами все по-другому. Здесь складываются разговорные отношения, более подконтрольные. Если ты не хочешь отвечать, то ты спокойно от них избегаешься.

— Кстати, о журналистах. Они часто превращают интервью в психологический сеанс. С вами так случалось?

— Вообще нет. Я — интровертка, у меня очень замкнутый характер, и я люблю держать в себе свои тайны, все личное. В большинстве случаев меня просто забрасывают одними и теми же настойчивыми вопросами, пытаюсь узнать не-

известно какую правду, а я только и делаю, что, как автомат, говорю то, что журналисты хотели бы от меня услышать. В действительности же, я мало поднимаю завесу над своей подлинной личной жизнью.

— Так что же, вы часто рассказываете неправду?

— Да, иной раз, сама этого не желая. Ведь воспоминания часто видоизменяются.

— А что вы требуете от интервьюера?

— Мне хотелось бы, чтобы люди говорили о том, что я делаю, какая я на экране, а не о том, какая я в личной жизни, потому что моя жизнь актрисы — совершенно иная. Но журналисты жаждут другого. Это своего рода каннибализм, и я чувствую себя съеденной. Правда, слава Богу, не всегда.

— Вы когда-то сказали, что профессия актера служит для изгнания определенных страхов.

— Если кто-то это написал, он ошибся. Игра — просто удобный случай выразить себя среди других.

— А чего боится Клаудиа Кардинале?

— Я не боюсь, ненавижу бояться.

— Даже старости!

— Даже старости. Мне посчастливилось в сорок лет подарить миру дочку, и это было для меня своеобразной

инъекцией молодости, потому что я вновь пережила все те проблемы, которые были у меня в двадцать.

— Вы действительно великолепно стареете. Вам 51 год, и вы не побеждены временем. Придет ли когда-нибудь день, когда вы подумаете о том, что пора себя «подретушировать», как уже сделали другие ваши коллеги!

— Этого никогда не произойдет! Я полагаю, что лицо женщины рассказывает ее историю, ее прошлое, и перечеркивать все это кажется мне неуместным. И потом, я ведь играю с помощью своего лица и не хочу подделывать его.

— Много говорят о вашем предположительном разрыве с Паскуале Скуиттери. Вам не мешает это настойчивое внимание к личным проблемам?

— По правде говоря, меня не волнует, что говорят о нас с Паскуале. Думаю, людям нужны эти биографические сведения, чтобы развлечься, на деле не очень-то веря в них. Наши отношения крепки. Паскуале для меня не только мужчина, с которым я живу с 75-го года, но это и личность, человек умнейший, с которым можно поговорить.

— Вот уже несколько лет как вы переехали в Париж. Вы что, устали от Рима?

— Совсе нет. Если я и поехала в Париж, то это только из-за Клаудии, нашей с Паскуале одиннадцатилетней дочери. Так как ей прекрасно удаются иностранные языки, и она уже хорошо говорит по-английски, мы с Паскуале хотим, чтобы она хорошенько выучила и французский, мой родной язык. И потом, Париж — это центр европейской культуры, и для девочки это очень полезно. Мы часто ходим на выставки, в кино, и Клаудиа воспринимает это с энтузиазмом. Если бы она осталась в Риме в нашем загородном доме, вдали от мира, у нее не было бы возможности общаться с другими людьми, а ведь в 11 лет невозможно жить в изоляции.

— Скуиттери все же не последовал за вами.

— Для его работы важно, чтобы он оставался в Риме. Я знаю, что это было расценено как знак нашего разрыва. Но люди не отдают себе отчет в том, что верность, присущая нашим отношениям, позволяет нам быть вместе независимо от того, находимся ли мы под одной крышей. Паскуале часто навещает нас. И потом, жить вдвоем хорошо, но независимость тоже необходима.

— Сейчас вы сняли последнюю сцену «Второго лика Аиды». Как вы чувствуете себя, покидая съемочную площадку?

— Грустной и счастливой. Жизнь на съемочной площадке повышенно эмоциональна. Нам хорошо вместе, мы вместе долгое время, и расставание, которое кажется неминуемо жестоким, всегда болезненно. Но в этом-то и все очарование этой профессии, что все всегда начинается заново. И остается море прекраснейших воспоминаний.

По материалам итальянского журнала «Gioia» («Радость») подготовила

Св. РЮРИКОВА.